

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/71/14

В.С. Груздинская

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В ОСЛО КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПЛОЩАДКА СОВЕТСКИХ И ЭМИГРАНТСКИХ УЧЕНЫХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00397.

Предпринята попытка исследовать коммуникацию советских и эмигрантских ученых на международном конгрессе исторических наук в Осло в 1928 г. Изучение коммуникативного процесса предполагало установление акторов коммуникации, воссоздание деталей некоторых коммуникативных событий, а также определение факторов, оказавших влияние на изучаемый процесс. В результате исследования сделан вывод о важности форума для институционального развития отечественного историографического процесса, протекавшего в советской и эмигрантской научной среде.

Ключевые слова: Международный конгресс исторических наук; Международный комитет исторических наук; отечественная историческая наука; научная коммуникация; эмигрантоведение.

Коммуникация внутри ученого сообщества представляет собой естественный и необходимый атрибут научной жизни. Последовавший после революции и Гражданской войны «разрыв» отечественной исторической науки на советскую и эмигрантскую затруднил этот процесс, но не исключил его вовсе. Одной из коммуникативных площадок для отечественных историков в 1920–1930-х гг. стали международные конгрессы исторических наук. Речь идет о международных конгрессах исторических наук, которые организовывались в 1923 г. в Брюсселе, в 1928 г. – в Осло, в 1933 г. – в Варшаве, 1938 г. – в Цюрихе.

В литературе уже поднималась проблема участия советских историков в данных научных мероприятиях, однако исследовательский интерес концентрировался главным образом либо на фиксации факта присутствия отечественных историков на форумах [1, 2], либо на иллюстрации тезисов в изучении организации зарубежных командировок в СССР [1–4], либо в качестве контекста в биографических нарративах, посвященных отечественным историкам [5–7]. В связи с этим в настоящей статье предпринята попытка изучения коммуникации между советскими и эмигрантскими историками на международном историческом конгрессе в г. Осло в 1928 г.

Интерес к норвежскому конгрессу как коммуникативной площадке обусловлен следующими соображениями. Впервые участвовать в такого рода мероприятии была приглашена делегация советских историков, а не отдельные представители, как это было на предыдущем V конгрессе в Брюсселе (1923), на котором от имени Российской Академии науки выступили Е.В. Тарле, В.В. Бартольд и Н.П. Оттокар. На форуме 1928 г. советская историческая наука была представлена

и «марксистскими», и «буржуазными» историками. Также в мероприятии приняли участие эмигрантские ученые, входившие, правда, в состав различных национальных делегаций. Кроме того, форум объединил широкий круг ученых, работающих в разных проблемных полях, что значительно расширяло масштаб коммуникативного взаимодействия (например, античник М.И. Ростовцев и русист М.Н. Покровский могли встретиться только в рамках такого крупного общеоисторического мероприятия). И последнее – конгресс отражал состояние мировой исторической науки.

Значимым источником, позволившим воссоздать организационный аспект конгресса, стала сохранившаяся в личном фонде М.Н. Покровского программа мероприятия, содержащая информацию об организационном комитете, составе и численности делегаций, выступлениях на пленарных и секционных заседаниях, «неформальных» встречах [8]. Восстановить царившую на научном форуме атмосферу и взаимодействие отечественных историков частично позволяют опубликованные в советских и эмигрантских изданиях статьи [9–11], дополненные некоторыми делопроизводственными материалами советских учреждений и источниками личного происхождения.

В норвежской столице с 14 по 20 августа 1928 г. прошел организованный международным комитетом исторических наук (далее – МКИН) очередной исторический конгресс. Согласно программе мероприятия численность участников составляла 1 059 человек [8. Л. 87–102]. В своей статье М.Н. Покровский, видимо, округляя, называет цифру 1 100 человек [9. С. 232]. Довольно распространенной была практика посещения конгресса совместно с женами и детьми (из 1 059 участников их насчитывалось 149), для которых организо-

ывались «развлекательные» мероприятия [8. Л. 87–102]. Например, туристическое агентство за дополнительную плату проводило «экскурсии для дам» в пригороде Осло (Стаббек, Фрогнесетерен), а Женский Комитет (Ladies Committee) «угощал дам чаем» в норвежской академии наук [Там же. Л. 35]. Интересно, как оценивают эту особенность форума советские историки. М.Н. Покровский отмечал: «Между прочим, наша крупная ошибка в том, что в нашей делегации не было ни одной женщины... Мы хвастаем, что женщина стоит у нас так высоко, но не привезли ни одной» [9. С. 236.]. Под другим углом оценивает участие членов семей докладчиков И.И. Минц. Он склонен видеть в этом невинном факте политическую подоплеку, особенно применительно к польской и французской делегациям, представительство которых вместе составило 30% от общей численности [10. С. 90].

Заданный И.И. Минцем ракурс изучения конгресса, предполагающий выявление соотношения численности делегаций и количества представленных докладов, требует, на наш взгляд, более детального внимания, поскольку данный аспект не только оказывал влияние на характер коммуникации отечественных историков, но и отражал оценочные характеристики. Так, на форуме было представлено 366 докладов учеными из 40 стран. Советский историк не столько акцентирует внимание читателя на численном преобладании французской и польской делегаций, сколько представляет их поддерживающими одни и те же решения и выступающими против немцев единым целым. Правда, автор игнорирует факт многочисленности немецких историков и количество их докладов, в отличие, скажем, от эмигранта А. Кулишера, который заявляет, что на конгрессе ««верховодили» две страны – Франция и Германия» [11]. В сущности, на немецкую делегацию пришлось 12% участников (126 чел.) и 12% докладов (45 чел.), на французскую – 14% (144 чел.) и 28% (101 чел.), на польскую – 5% (54 чел.) и 13% (47 чел.) соответственно [8. Л. 87–102].

Очевидно, что авторы эксплицируют расклад сил на внешнеполитической арене на складывающееся новое коммуникативное поле мировой науки. Ссылаясь на А.Н. Дмитриева, отмечает, что в исследуемый период разрыв международных научных контактов произошел по линии «страны Антанты – страны “парии Версаля”» [12. С. 38]. Первые во главе с Францией в 1919 г. создают Международный академический союз и Международный совет исследователей (далее – МСИ), к работе в которых не допускались страны бывшего Тройственного союза (Германия, Австрия, Венгрия, Болгария, Турция). Последние предпринимают, к слову, не совсем успешные попытки сохранить существовавшую до войны Международную ассоциацию академий. В обозначенном контексте представляется весьма любопытной реакция оставшихся в Советской России академиков на выступление в 1919 г. М.И. Ростовцева на конференции МСИ, который к тому же выступал от имени Российской Академии наук. Так, в письме востоковеда, члена Академии наук СССР Ф.И. Щербатского из Берлина от 17 мая 1921 г. С.Ф. Ольденбургу читаем: «Николай Яковлевич [Марр]

расскажет Вам о многом, а чем приходится считаться при нынешних обстоятельствах, и прежде всего о злостной агитации М.И. Ростовцева <...>. Он (Ростовцев. – В.Г.) пишет мне, что участвовал на собраниях Union des Academies (Международный академический союз. – В.Г.) и делал там какие-то заявления, которые в его толковании сводятся к тому, что Академия наша считается виртуально членом союза, но со стороны я слышал, что понятно было наоборот, что Академия наша должна быть исключена из Союза <...>. Немецкие академики образовали свой союз, который недавно заседал в Вене и постановил считать членом этого союза каждую академию, которая сама пришлет заявление о желании к ней примкнуть. Для меня лично нет вопроса о том, к какой группе мы должны будем примкнуть, если нельзя будет оставаться в обеих, и особенно если окажется, что благодаря проискам Михаила Ивановича нас из французской группы исключили. По-видимому, французы совсем не способны, так же как и наши эмигранты, видеть науку вне политики, а их антинемецкая и полонофильская политика доходит до таких геркулесовых столбов, что нам с ними совсем не по пути» [5. С. 93–94].

В рамках настоящего исследования приведенный фрагмент письма важен по нескольким причинам: во-первых, в нем фиксируется сложившаяся в мировой науке расстановка сил («антинемецкая и полонофильская политика»), во-вторых, он иллюстрирует расхождение интересов стремящейся в непростых внутренних и внешних условиях Академии наук СССР сохранить свой международный авторитет и эмигрировавших ученых (а не только М.И. Ростовцева!), видевших в международных форумах возможность заявить о своем неприятии Советской России. Правда, было бы серьезным упрощением так ограничивать значение форумов для эмигрантской академической среды, для которой международные научные мероприятия ко всему прочему являлись как площадками научной коммуникации с оставшимися на родине коллегами, так и способом, пусть и опосредованным, участия в покинутых ими академических институтах.

На норвежском конгрессе участие историков-эмигрантов было ограниченным. Последнее выражалось в отсутствии единого представительства и, как следствие, «растворении» их в национальных делегациях, немногочисленности (всего 7 человек). В программе участников мероприятия числились М.И. Ростовцев (США), Ф.Ф. Зелинский (Польша), А.К. Елачич (Югославия), Е.М. Кулишер (Германия), П.Н. Савицкий (Чехословакия), А.М. Кулишер и П.П. Гронский (Франция) [8. Л. 87–102]. Их также лишили права выступать с докладами на секциях. Исключение составили А.М. Кулишер и Е.М. Кулишер, выступившие на специальной секции направления «Население» с докладами «Войны и миграции» и «Направления народных движений» соответственно [Там же]. Интересно, как данное обстоятельство преподносится в советской печати. В частности, И.И. Минц обращает внимание на то, что «такие страны, как Чехословакия, где расположено большое гнездо белой профессуры, не дали ни одного места эмигрантам, а о Германии и говорить не

приходится» [10. С. 91]. Замечу, что от Германии в программе конгресса был заявлен Е.М. Кулишер, а от Чехословакии – П.Н. Савицкий [8. Л. 87–102]. Сами же эмигранты свое представительство оценивали следующим образом: «...русская наука, несмотря на свое тяжкое положение, смогла сыграть довольно заметную роль на съезде. Одно присутствие М.И. Ростовцева в качестве главы американской делегации и председателя секции древней истории напоминало о месте, завоеванном русскими учеными в мировой науке. И на докладах по славянской истории председательское место занимал русский эмигрант, проф. Елачич, приехавший в составе югославской делегации» [11]. Таким образом, нетрудно заметить, что сами эмигранты идентифицируют себя как представители русской науки.

Собственно, в рамках дихотомии «русская наука / советская наука» и следует оценивать их коммуникацию с учеными из Советской России в Осло. Пожалуй, громче всех на конгрессе об этом заявил М.И. Ростовцев в интервью норвежскому изданию *Aftenpost* 15 августа 1928 г. [13. С. 642]. В связи с недоступностью аутентичного источника представляется возможным только анализ восприятия этого интервью и оценки его последствий советскими и эмигрантскими авторами. А. Кулишер выделяет в качестве опорного тезиса то, что делегация из СССР «представляет не русскую науку, – в ней нет ни одного имени подлинных крупных историков, живущих в России, – а только коммунистическую подделку под науку» [11].

В советских же изданиях в этом интервью видели исключительно негативно каннотированную реакцию эмигранта на успехи советской науки в целом и на избрание М.Н. Покровского в президиум форума в частности [9. С. 233–234; 10. С. 91–92]. Из источников следует, что Ростовцев своим протестом не только не настроил мировую научную общественность против советской делегации, но, напротив, оказал ей «большую услугу». Во-первых, обладая значительным символическим капиталом и авторитетом в мировом научном сообществе, Михаил Иванович своим выступлением обратил внимание на «поголовно молчащих» советских историков [9. С. 234]. Во-вторых, на следующий день организаторы поспешили «сгладить углы» и не допустить развития скандала. Так, председатель конгресса Г. Кут на страницах того же издания заявил, что это личная точка зрения интервьюера. В-третьих, беспартийные советские делегаты в специальном интервью *Aftenpost* опровергли тезис Ростовцева о том, что «в России нет свободного исследования», а только подгонка исторических фактов под марксизм. Эмигрант А. Кулишер реакцию советских ученых на «акцию» Ростовцева охарактеризовал емкой фразой: «делегация прочла это интервью, посердилась и... скушала» [11]. Автор полагает, что благодаря этому интервью М.Н. Покровский и получил возможность прочитать доклад «Происхождение русского самодержавия с точки зрения исторического материализма» на закрытии конгресса. Более того, по мнению А. Кулишера, в докладе речь шла о «материализме, состоящем из марксистских переводов исследований Милюкова и

других “буржуазных историков”» [Там же]. При этом автор игнорирует то очевидное обстоятельство, что право выступать на открытии / закрытии международного форума является признанием научного авторитета ученого. И как нельзя лучше источником подтверждается этот тезис: имя М.Н. Покровского оказалось в одном ряду с А. Пиренном, Г. Кутом, А. Допшем, А. Киддером и др. [8. Л. 113]. Замечу, что в определенных кругах мирового исторического сообщества Михаил Николаевич был достаточно известен, его работы стали переводиться на европейские языки еще в дореволюционный период [14].

Протест Ростовцева, представляется, был спровоцирован в том числе и событиями, развернувшимися внутри Академии наук СССР (далее – АН СССР), членом-корреспондентом которой, несмотря на эмиграцию, он официально все еще оставался. В АН СССР назревали серьезные перемены, вовсю шла подготовка к назначенным на осень 1928 г. выборам. На этапе составления списка членов возникла проблема относительно дальнейшей «академической» судьбы эмигрантов. Отдел научных учреждений при СНК СССР, курировавший работу Академии наук, в деловой переписке настойчиво рекомендовал учреждению определить свое отношение по этому вопросу [15. Л. 4]. В июне АН СССР определилась со следующей формулировкой: эмигрировавшие члены «более в ее списках не числятся» [Там же. Л. 5]. Безусловно, знать детали переписки М.И. Ростовцев не мог, но тема выборов в академические структуры (в том числе парадокс, связанный с неисключением из нее членов-эмигрантов!) достаточно широко освещалась в эмигрантских изданиях, например в «Последних новостях», «Возрождении», и в советских – «Известиях». Правда, М.И. Ростовцев старался быть в курсе событий, происходивших в советской науке, поддерживал связи с оставшимися в России коллегами. Так, из писем М.И. Максимовой (ученица М.И. Ростовцева, сотрудница ГАИМК. – В.Г.) к Михаилу Ивановичу накануне форума известно, что интерес историка относительно состава советской делегации в Осло был удовлетворен фразой: «Не знаю точно, кто из представителей советской науки будет в Осло, но, судя по бывшим при мне в Петербурге разговорам, в сферах была тенденция отправить туда марксистскую молодежь» [16. С. 28].

Вопреки «слухам» в состав советской делегации наряду с историками-марксистами (М.Н. Покровский, В.В. Адоратский, Н.М. Лукин и др.) вошли историки «старой школы» (Е.А. Косминский, Е.В. Тарле, В.И. Пичета, С.Я. Лурье и др.), что стало ответом на обвинения эмигрантских историков в прерванности академических традиций, ущемлении историков-немарксистов. Замечу, что не все заявленные ученые из СССР прибыли на конгресс. Так, из 17 приглашенных советских историков принять участие в мероприятии смогли только 11, выступили с докладами – 10. До норвежской столицы по разным причинам не добрались некоторые представители «старой школы» (Е.В. Тарле, А.Е. Пресняков, С.Я. Лурье, Н.В. Кюннер), украинские историки (М.С. Грушевский, А.С. Федоровский). Е.В. Тарле, например, не смог приехать из-за

болезни, этим обстоятельством не преминул воспользоваться М.Н. Покровский, отметив, что «никто, ни одна живая душа» не поинтересовалась о причине отсутствия Евгения Владимировича [9. С. 236]. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что накануне конгресса, как следует из письма М.Н. Покровского Г. Куту (председателю организационного комитета конгресса в Осло), между Академией наук и учреждениями марксистской науки возник спор, кому «поручено организовать русскую делегацию на конгрессе» [17. Л. 1]. Так, по словам адресанта, профессор Тарле рассылает в научные организации СССР письма, в которых говорится, что ему и С.Ф. Ольденбургу МКИН поручило это дело. Однако Покровский не сдается и говорит: «...Вы пишете проф. Ольденбургу так же, как Вы написали мне – а в письме ко мне не было никакого поручения на счет приглашения, наши научные учреждения вправе послать своих делегатов в пределах материальной к тому возможности» [Там же]. А материальные возможности у учреждений советской науки действительно различались.

В частности, в 1920-е гг. финансирование АН СССР оставляло желать лучшего (особенно при на фоне Коммунистической академии), поэтому возможности командировок, даже внутренних, не говоря уже о зарубежных, были ограниченными [18. С. 146]. Кроме того, конгресс в Осло предполагал членский взнос в размере 5,5 долл. с каждого участника форума [19. Л. 55]. Из делопроизводственной документации Академии наук СССР следует, что в Норвегию планировалось отправить Е.В. Тарле и С.Ф. Ольденбурга, и на эти нужды решено запросить у Главнауки «не менее 100 руб.» [20. С. 93]. Что произошло во время подготовки к конгрессу? Почему С.Ф. Ольденбург не вошел в состав делегации? Действительно ли Е.В. Тарле не поехал из-за болезни? Ответы на эти вопросы требуют отдельного исследования, но уверенно можно констатировать, что представители академии на конгресс не попали.

На норвежском форуме советские историки представили 10 докладов на 6 из 13 возможных секций. В программе конгресса были заявлены следующие секционные выступления советских ученых:

1) на секции вспомогательных дисциплин и архивоведения (Адоратский В.В. «Центрархив РСФСР»);

2) на секции доисторического периода и археологии (Федоровский А.С. «Каменный и бронзовый век на Украине: по новым материалам»);

3) на секциях древней истории Востока и античной истории (Лурье С.Я. «Были ли писистратиды предками аттической буржуазии?»);

4) на секции Средних веков (Федоровский А.С. «Памятники времен переселения народов на Украине»);

5) на секции новой и новейшей истории Европы (Дубровский С.М. «Крестьянское движение в России в XX веке»);

6) на секции истории религии и церкви (Преображенский П.Ф. «Реалистические черты в ранних религиозных верованиях»);

7) на секции экономической и социальной истории (Косминский Е.А. «Английская деревня в XIII веке»;

Яворский М.И. «Влияние Западной Европы на формирование социалистического движения на Украине во второй и третьей четверти XIX века»; Он же «Lex Josephoviciana»; Волгин В.В. «Социализм и эгалитаризм в истории социальных теорий»; Тарле Е.В. «Рабочий класс во Французской Революции 1848 г.»);

8) на секции истории науки и литературы (Юриец В.А. «Основные направления современной украинской литературы») [8. Л. 87–102].

Несмотря на отсутствие в программе Б.Л. Богаевского, ученый в первый день работы конгресса (14 августа 1928 г.) на секции истории античности прочитал доклад «Боги гончарного искусства минойского Крита», правда, не без эксцесса. Как следует из статьи И.И. Минца, председатель секции М.И. Ростовцев, «явно стремясь перейти к новому докладу без прений <...>, поблагодарил докладчика и пригласил второго. В этот момент, протестуя, поднялся проф. Корнеман (немецкий историк-античник, проф. Университета в Бреслау. – В.Г.), заявив, что он много лет думает над проблемой, затронутой Богаевским, и только сейчас убедился в том, что она разрешена» (благодаря марксистскому методу!) [10. С. 94–95]. Этот же случай на заседании Общества историков-марксистов 4 октября 1928 г. вспоминает Н.М. Лукин, акцентируя внимание слушателей на успехе «марксистскообразного» доклада советского ученого [21. Л. 11].

В письме Ростовцева А.А. Васильеву от 10 декабря 1928 г. читаем: «Богаевский... на съезде в Осло подошел ко мне и сказал: “Вы меня презираете, Михаил Иванович?” Я ему ответил: “Не будем употреблять громких слов. Удивляюсь, как вы говорите такие марксистские глупости в ваших докладах”. А на это он: “Верьте, Михаил Иванович, что мы все вас любим по-прежнему”, – и, кажется, прибавил: “Навеки”. Хорош?» [5. С. 101]. Вероятно, диалог произошел после описанного выше инцидента, из которого можно заключить, что плодотворной научной коммуникации между учеными не произошло по причине не только глубоких методологических разногласий.

Другим примером неудачной коммуникации следует считать прения по докладу С.М. Дубровского «Крестьянское движение в России в XX веке» на секции новой и новейшей истории, когда А.К. Елачич и В.В. Савицкий подчеркнули, «что для чтения подобного доклада на немецком языке необходимо знать, во-первых, историю России, во-вторых, аграрный вопрос, в-третьих, немецкий язык, а докладчик не удовлетворил ни одному из этих трех требований» [11]. Н.М. Лукин, напротив, считает, что доклад удался, так как «очень заинтересовал публику» [21. Л. 7].

На недостаточный уровень владения иностранными языками советских ученых указывает и М.Н. Покровский. Любопытно, как в этой связи он оценивает значение численности делегаций, которая, по его мнению, с одной стороны, является «залогом» успеха выступления у аудитории: «что касается 100 французов, то они могли устроить овацию любому докладчику, потому что если 100 человек будут дружно хлопать, то картина получится выразительная» [9. С. 232], а с другой – подспудно легитимизирует возможность пред-

ставлять доклады на родном языке, чем, собственно, и воспользовались итальянские историки, превратив свое выступление в «остров, вокруг которого бушевало море, потому что никто их не понимал» [9. С. 237]. Последнее стало возможным, поскольку конгресс не предусматривал использование единого «рабочего» языка, что отразилось также и в программе, которая была составлена с использованием одновременно французского, итальянского, немецкого, норвежского и английского языков [8. Л. 87–102].

Конгресс предполагал также и расширенную культурную программу, создав таким образом площадки для неформальной коммуникации участников, – представления норвежской народной культуры, банкеты и др. Подтверждением их важности может служить случай, описанный А. Кулишером: «...в педагогической секции по поводу вопроса о преподавании новейшей истории в школе германские педагоги возражали против обвинений в адрес немецких учебников в милитаристском и националистическом направлении. Со ступеньки на ступеньку дискуссия дошла до вопроса о том, что следует понимать под извращением исторических фактов <...>. Но председатель заметил, что время позднее и пора на прием, где будут угощение и будут демонстрироваться норвежские танцы, представляющие интерес» [11].

На коммуникативный процесс оказывает влияние множество факторов, среди них особое место занимает коммуникативная площадка, которая, с одной стороны, институционализирует взаимодействие акторов (формирует секции, определяет порядок выступлений с докладами и их обсуждение, организует пространство для «кулуарных бесед» и т.п.), а с другой стороны, под влиянием этого взаимодействия, приобретая эмоционально-содержательное наполнение, меняется. Иллюстрацией последней мысли может служить вы-

ступление М.И. Ростовцева на завершающем конгресс банкете, в котором он обошел стороной и скандал в *Aftenpost* и историков из СССР, понимая, что эта тема неактуальна для мирового научного сообщества.

По-разному в советских и эмигрантских изданиях оценивается значение конгресса. Если А. Кулишер обращает внимание читателя в первую очередь на рефлексии ученых о проблемах исторического знания, то советские авторы, напротив, отказывают форуму в научности, аргументируя это тем, что за пять дней работы форума невозможно серьезно подойти ко всем заявленным в программе 360 докладам. Причина разночтений в оценках, полагаю, связана, с одной стороны, с принципиально отличающейся смысловой нагрузкой «научности», а с другой – с разным опытом участия в подобного рода мероприятиях, которого в эмигрантских историков было больше.

Подводя итог сказанному, отмечу, что на процесс коммуникации советских и эмигрантских историков оказали влияние такие факторы, как методологические и политические установки акторов, их эмоциональная готовность коммуницировать тем или иным образом. Следует учитывать и переформатирование коммуникативного поля как мировой науки в связи с изменением внешнеполитических факторов, так и советского коммуникативного пространства – нарастающее вмешательство государства в науку, события в Академии наук СССР. Наконец, сама организация конгресса и сложившиеся академические нормы коммуницирования, безусловно, способствовали диалогу. Несмотря на то, что взаимодействие советских и эмигрантских историков сложно назвать продуктивным в научном плане, тем не менее его анализ необходим для исследования институционального аспекта отечественного историографического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудзинская Е.А. Международные научные связи советских историков. М. : Наука, 1978. 290 с.
2. Мохначева М.П. Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Советская историография. М. : Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1996. С. 78–123.
3. Гришина Н.В. Заграничные командировки советских ученых в 1920-е – начале 1930-х годов: к вопросу о политической благонадежности и научных целях советских ученых // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е годы : материалы IX междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М., 2017. С. 706–716.
4. Гришина Н.В. «...Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 28–36.
5. Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. М. : Полит. энцикл., 1997. С. 84–123.
6. Шумейко М.Ф. Зарубежные научные контакты академика В.И. Пичеты // Русское научное наследие за рубежом. Брянск : Брянск. гос. ун-т, 2013. С. 95–119.
7. Чернобаев А.А. М.Н. Покровский и международные связи советских историков в 1920-е гг. // X Плехановские чтения. Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций : материалы к конф. Санкт-Петербург, Дом Плеханова, 30 мая – 1 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 58–62.
8. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1579. Оп. 2. Д. 32.
9. Покровский М.Н. О поездке в Осло // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 30. С. 231–237.
10. Минц И.И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и на 6-м международном конгрессе историков в Осло // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 84–96.
11. Кулишер А. Конгресс историков // Последние новости. 1928. № 2724. С. 2.
12. Дмитриев А.Н. От академического интернационализма – к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб. : Нестор-История, 2007. С. 32–55.
13. Летопись Российской Академии наук : в 4 т. СПб. : Наука, 2007. Т. IV: 1901–1934. 1052 с.
14. Чернобаев А.А. М.Н. Покровский и зарубежная историография // Чернобаев А.А. «Грядущее на все изменит взгляд» : статьи, выступления, публикации. 2005–2010. М. : Собрание, 2010. С. 50–60.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8429. Оп. 1. Д. 122.
16. Тункина И.В. Максимова М.И.: парижские письма М.И. Ростовцеву (август 1928 г.) // Записки Института истории материальной культуры. СПб., 2016. Т. 14. С. 24–33.
17. РАН. Ф. 1579. Оп. 4. Д. 57.

18. Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего... : Российская академия наук. Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб. : Нестор-История, 2012. 378 с.
19. ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 118.
20. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФРАН). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1224.
21. АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 299.

Viktoriya S. Gruzdinskaya, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vik11910314@yandex.ru

INTERNATIONAL CONGRESS OF HISTORICAL SCIENCES IN OSLO AS A COMMUNICATIVE PLATFORM FOR SOVIET AND EMIGRANT SCIENTISTS

Keywords: International congress of historical sciences; international committee of historical sciences; national historical science; scientific communication; emigrant studies.

The VI International Congress of Historical Sciences was opened in the Norwegian capital in August 1928. Soviet and emigrant scientists took part in the work of it. The forum in Oslo was the first experience of direct communication between the representatives of the national historical science school who found themselves on different sides of the state border. Researchers have touched this topic either as fixation of the fact of the participation of Russian historians in forums, or in biographical narratives as the context of the activity of a specific representative of the historical community, or as an illustration in the works devoted to studying the procedure for organizing overseas business trips to the USSR. Purpose of the present paper is to analyze the scientific communication of soviet and emigrant scholarly historians at the Congress in Oslo. As sources in this study, a congress program was used the programme of that forum including information on the organizing committee, the composition and number of delegations, reports at plenary and sectional meetings, “informal” events; articles in soviet and émigré publications dedicated to the forum; documentary of soviet scientific institutions; documents of personal origin of the participants of the event. The author of the article established the communication actors of this forum. They are soviet delegation that was represented both “Marxist” (M.N. Pokrovsky, M.N. Lukin, V.V. Adoratsky, S.M. Dubrovsky, etc.), and “bourgeois” historians (E.A. Kosminsky, V.I. Picheta). Emigrants were “dissolved” in US delegations (M.I. Rostovtsev), Poland (F.F. Zelinsky), Yugoslavia (A.K. Elachich), Germany (E.M. Kulisher), Czechoslovakia (P.N. Savitsky) and France (A.M. Kulisher, P.P. Gronskey). Furthermore the author detailed such communicative events as the “protest” of M.I. Rostovtsev in the Norwegian edition “Aftenpost”, as well as its evaluation by soviet and emigrant scientists, a debate on the reports of soviet scientists, etc. The factors that influenced the communication process were installed. There are the methodological and political attitudes of actors, their emotional willingness to communicate; reformatting the communicative field as a world science, in connection with a change in foreign policy factors; events in the Academy of Sciences of the USSR; organization of the congress and established academic standards of communication. Despite the fact that in scientific terms the interaction of soviet and emigrant scientists was unproductive, the less the results of this study are important for further study of the institutional aspect of the Russian historiographic process in the 1920s–1930s.

REFERENCES

1. Dudzinskaya, E.A. (1978) *Mezhdunarodnye nauchnye svyazi sovetsskikh istorikov* [International academic relations of Soviet historians]. Moscow: Nauka.
2. Mokhnacheva, M.P. (1996) Sovetskaya istoricheskaya nauka na mezhdunarodnykh nauchnykh forumakh: istoki nesostoyavshegosya dialoga [Soviet historical science at international scientific forums: the origins of a failed dialogue]. In: Afanasyev, Yu.N. (ed.) *Sovetskaya istoriografiya* [Soviet Historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 78–123.
3. Grishina, N.V. (2017) Zagranichnye komandirovki sovetsskikh uchennykh v 1920-e – nachale 1930-kh godov: k voprosu o politicheskoy blagonadezhnosti i nauchnykh tselyakh sovetsskikh uchennykh [Foreign business trips of Soviet scientists in the 1920s – early 1930s: on the issue of political reliability and scientific purposes of Soviet scientists]. *Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920–1950-e gody* [Culture and Power in the USSR. The 1920–1950s]. Proc. of the Ninth International Conference. St. Petersburg, October 24–26, 2016. Moscow. pp. 706–716.
4. Grishina, N.V. (2018) The opportunity of traveling and breathing the air of Western Europe: the relationships between the academic community and the authorities in respect of international trips during the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 51. pp. 28–36. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/51/4
5. Tunkina, I.V. (1997) M.I. Rostovtsev i Rossiyskaya Akademiya nauk [M.I. Rostovtsev and the Russian Academy of Sciences]. In: Bongrad-Levin, G.M. (ed.) *Skifskiy roman* [Scythian Novel]. Moscow: Polit. entsikl. pp. 84–123.
6. Shumeyko, M.F. (2013) Zarubezhnye nauchnye kontakty akademika V.I. Pichety [Foreign scientific contacts of Academician V.I. Picheta]. In: *Russkoe nauchnoe nasledie za rubezhom* [Russian Scientific Heritage Abroad]. Bryansk: Bryansk State University. pp. 95–119.
7. Chernobaev, A.A. (2012) M.N. Pokrovskiy i mezhdunarodnye svyazi sovetsskikh istorikov v 1920-e gg. [M.N. Pokrovsky and international relations of Soviet historians in the 1920s]. *X Plekhanovskie chteniya. Rossiya: sredotochie narodov i perekrestok tsivilizatsiy* [The Tenth Plekhanov Readings. Russia: the focus of peoples and the crossroads of civilizations]. Proc. of the Conference. St. Petersburg, May 30 – June 1, 2012. pp. 58–62.
8. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1579. List 2. File 32.
9. Pokrovskiy, M.N. (1928) O poezdke v Oslo [About a trip to Oslo]. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii*. 30. pp. 231–237.
10. Mints, I.I. (1928) Marksisty na istoricheskoy nedele v Berline i na 6-m mezhdunarodnom kongresse istorikov v Oslo [Marxists at the Historical Week in Berlin and at the 6th International Congress of Historians in Oslo]. *Istoriik-marksist*. 9. pp. 84–96.
11. Kulisher, A. (1928) Kongress istorikov [The Congress of Historians]. *Poslednie novosti*. 2724. pp. 2.
12. Dmitriev, A.N. (2007) Ot akademicheskogo internatsionalizma – k sisteme natsional'no-gosudarstvennoy nauki [From academic internationalism to the system of national-state science]. In: Kolchinskii, E.I., Bayrau, D. & Layus, Yu.A. (eds) *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny* [Science, Technology and Society in Russia and Germany during the First World War]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 32–55.
13. Smagina, G.I. & Koltsov, A.V. (2007) *Letopis' Rossiyskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Annals of the Russian Academy of Sciences: in 4 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka.
14. Chernobaev, A.A. (2010) M.N. Pokrovskiy i zarubezhnaya istoriografiya [M.N. Pokrovsky and foreign historiography]. In: Chernobaev, A.A. *“Gryadushchee na vse izmenit vzglyad”: stat'i, vystupleniya, publikatsii. 2005–2010* [“The future will change the view on everything”: articles, speeches, publications. 2005–2010]. Moscow: Sbornik. pp. 50–60.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8429. List 1. File 122.
16. Tunkina, I.V. (2016) Maksimova M.I.: parizhskie pis'ma M.I. Rostovtsevu (avgust 1928 g.) [Maksimova M.I.: Parisian letters to M.I. Rostovtsev (August 1928)]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury*. 14. pp. 24–33.
17. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1759. List 4. File 57.

-
18. Sobolev, V.S. (2012) *Nesti svyashchennoe bremya proshedshego... : Rossiyskaya akademiya nauk. Natsional'noe kul'turnoe i nauchnoe nasledie. 1880–1930 gg.* [To bear the sacred burden of the past ...: Russian Academy of Sciences. National cultural and scientific heritage. 1880–1930]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
 19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 8429. List 1. File 118.
 20. The St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPF ARAN). Fund 133. List 1. File 1224.
 21. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 350. List 1. File 299.